

Романы о бандитской любви

Глава 1

Сосны ухожены, побелены, пространство между деревьями расчищено, засеяно газонной травкой, сам городской парк огорожен забором из железных прутьев. Сосны и ели уходили в глубь парка, терялись вдаль, а вместе с ними сливалось с лесной темнотой и ощущение декоративности. Возможно, парк плавно перетекал в дикую тайгу, которая окружала старинный сибирский город Волкобойск. Окружала, пытаясь его поглотить. Но город, напротив, шел в наступление на тайгу, выгрызая из нее участки под застройку. В семидесятых здесь построили горно-обогатительный комбинат, воздвигли заводской поселок — сплошь из пятиэтажек, поставили современную школу.

Парк закончился, машина по-прежнему в пути, в поле зрения вплыла крепость, возвышающаяся над городом. Каменные стены, хоровод островерхих башен вокруг собора с золотыми куполами. От крепостных ворот спускалась и, огибая церковь, втекала в главную городскую площадь мощенная булыжником дорога. К этой площади, украшен-

ной фонтаном и клумбами, примыкали мэрия, Дом культуры, универмаг и гостиницы — архитектурный ансамбль в стиле сталинского ампира. Все здания в хорошем состоянии, как и весь город.

Волкобойск переживал период весеннего обострения. В марте на улицах города произошло два убийства, в апреле — три, в мае пока только одно. Людей убивали по ночам, бессистемно — то ножом, то удавкой, то просто камнем по голове; под молох попадали как женщины, так и мужчины, как молодые, так и старые. Кого-то грабили, кого-то нет...

Местная полиция убийцу найти не могла. Обвинили какого-то мужчину, тот поднял шум, в дело вмешалась федеральная прокуратура, подключился следственный комитет. Доказательства признали липовыми, против начальника местного уголовного розыска возбудили дело, а в город отправили следственно-оперативную группу, которую возглавила подполковник юстиции Знаменова, специалист настолько же опытный, насколько и строгий. А старшим оперативной группы назначили майора Пахомова; он главный, а с ним два капитана — Духов и Черновицын.

Волкобойск представлялся Пахомову депрессивным, запущенным городом, на дне которого водятся наркоманы и прочие деклассированные элементы. На эту мысль наводил высокий уровень преступности, этот продукт жизнедеятельности местной криминальной мафии, вросшей во властные структуры города. Логика проста, там, где мафия, там бардак... А город вопреки ожиданиям

производил благоприятное впечатление. Начиная с жилых микрорайонов. Дома в хорошем состоянии, развалюх не видать; ухоженные газоны, чистые тротуары. Современные торговые центры на каждом шагу, стадион сразу возле школы. Исторический центр города в прекрасном состоянии, эстетика зданий радует глаз. Чувствуется, что администрация денег на развитие города не жалеет.

Видно, медный горно-обогатительный комбинат порядком наполнял городской бюджет, но, как известно, вороватый чиновник способен оставить без песка даже Сахару. И даже самый богатый бюджет растащить — не проблема. Значит, городом управляют не только умом, но еще и совестью. Может, и крадут, но в меру.

А мафия в городе точно есть. Уж в этом Пахомов не сомневался. Переработка медной руды — процесс сложный, и сопровождается он побочным извлечением серебра, золота и платины. Система учета опирается на человеческий фактор, иммунитет которого не в состоянии справиться с золотой лихорадкой. И, конечно же, есть люди, которые этим пользуются. Не может не быть.

Именно поэтому следственную часть серьезно усилили оперативным составом. Мало ли, вдруг придется сойтись в схватке с организованным криминалитетом? С кем конкретно могли схлестнуться оперативники, Пахомов только догадывался. Был здесь законник Мазай, который время от времени засвечивался на воровских сходках. Но какое положение он занимает в городе, какими силами рас-

полагает, об этом достоверных сведений нет, одни только предположения. Может, и не Мазай здесь главный? Может, вор вообще здесь не делает погоды? И о комбинате ничего не слышно, как будто и не воруют здесь золото и платину. Нет громких дел, не ведутся расследования... Одним словом, криминальная история Волкобойска — тишина, покрытая мраком. И если бы не убийства, всколыхнувшие город, так и оставался бы он тихим омутом со всеми своими чертями.

Микроавтобус остановился возле здания городской администрации.

— И что это значит? — сухо спросила Знаменова.

Она сидела на одиночном кресле возле двери в салон. Руки сложены на кожаной папке, папка на коленях, плечи расправлены, спина прямая, подбородок приподнят. В этом положении она ехала от самого аэропорта, а путь был неблизким, почти сто километров.

На улице май месяц, но погода неважная. Дождя нет, но пасмурно и холодно — без куртки не обойтись. Олег знал многих женщин, которые поверх кителя носили кожаные куртки, но Знаменова всерьез считала это нарушением формы одежды. Уставное пальто на ней синего цвета, с погонами. А вот обувь неуставная. Ножка у Татьяны стройная, и сапожки такие же изящные, на среднем, но тонком каблуке.

Ей всего тридцать два года, она младше Олега, а уже подполковник. Но удивляться здесь нечему,

в армию ее не призывали, и в ОМОНе она сержантом не служила. Это Пахомов терял время на пути к офицерским погонам, а она сразу после школы поступила в университет, в двадцать два года получила по две лейтенантские звездочки на погоны, и — вперед. А подполковником Татьяна стала досрочно, в награду за успешно раскрытое дело, на поминанием о котором служил небольшой шрам на шее сразу за ухом — след от ножа. Правда, шрам этот разглядеть непросто, нужно как минимум отвести в сторону тяжелую завесь из густых и прямых, как натянутые нервы, волос. Но попробуй, прикоснись к ней...

— Так это, Станислав Альбертович вас ждет! — удивленно посмотрел на нее сопровождающий пухлощекий майор, заместитель начальника ГУВД по воспитательной работе.

— Кто такой Станислав Альбертович?

— Ну как же, глава администрации, наш мэр.

— Глебов?

— Ну да, Глебов.

— Так и говорите, Глебов.

— Так и говорю!

— Глебов нас не интересуется. Нас интересуется начальник следственного управления и начальник ГУВД.

— Все уже в сборе, ждут вас! — Майор Кивалов вывалился из кабины, открыл дверь в салон.

Он подал руку Знаменовой, она кивнула, поблагодарила его, но помощь не приняла. А вслед за ней выходил капитан Духов. Он благодарить Кивалова

не стал — оперся на его руку, да так, что майор отпрянул в сторону. Если судить по лицу Духова, то это была не шутка. Но выражение лица у Кости всегда пресное, едва живое, если не сказать, неподвижное. Только в глубине глаз у него светятся веселые, порой шутовские огоньки, но их еще нужно разглядеть.

Городской глава ждал в кабинете, но вышел к ним в приемную. Это был не молодой, но еще и не старый мужчина с широким лицом, короткой шеей, надутым как шар брюхом, относительно узкими бедрами и тонкими ногами. Движения быстрые, энергичные, походка слегка подпрыгивающая, отчего могло возникнуть подозрение, что пузо надуту летучим газом, толкающим его вверх. Улыбка открытая, но скупая. Одной только Знаменовой он улыбнулся широко, но восхищение выразил исключительно взглядом.

А восхищаться было чем. Может, и не писаной красоты она женщина, но было в ней что-то такое эдакое, отчего замирало или хотя бы притормаживало мужское сердце.

Но было в Татьяне и нечто такое, отчего пропадало желание с ней заигрывать. Строгий взгляд, суровая сосредоточенность, внутренняя собранность, нацеленность на самое важное. Также в ней угадывалась срывающаяся с цепи готовность осмеять глупость собеседника. Может, потому в ее присутствии возникало желание молчать — чтобы за умного сойти. Может, потому Глебов не поцеловал протянутую ему руку, а всего лишь пожал

ее. И со всеми остальными он тоже поздоровался за руку.

Глядя на главу администрации, Пахомов представил накрытый стол у него в кабинете. Московские «важняки» устали с дороги, проголодались, покормить их нужно, в баньке пропарить, этим и задобрить. Чтобы они глубоко не рыли. Ну, как обычно.

Но в кабинете царила деловая обстановка. За общим столом сидели два полковника — один в форме полиции, другой в мундире следователя. И еще Олег увидел штатского — высокого, хорошо сложенного мужчину средних лет. Аккуратная короткая прическа, ухоженное лицо, светлый улыбчивый взгляд, располагающая улыбка. Черты лица мягкие, но в них чувствовалась порода. А в нем самом угадывался крепкий внутренний стержень, который, может, и гнется, но не ломается.

Начальник ГУВД хоть и нехотя, но поднялся на встречу гостям. Представитель следственного комитета проявил бóльшую прыть — он даже вышел из-за стола. А мужчина в штатском так и остался сидеть. Он поднялся только лишь после того, как Глебов представил его:

— Чащин Виктор Борисович, мой заместитель по безопасности.

— По безопасности? — Знаменова удивленно повела бровью, с профессиональной настороженностью глядя на Чащина.

Тот улыбнулся, подошел к Татьяне и непринужденно поцеловал ей руку. Чем снова вызвал ее удив-

ление, на этот раз обращенное к самой себе. Как будто она должна была остановить движение своей руки к его губам, но почему-то не сделала этого. Впрочем, это удивление длилось всего мгновение.

— На самом деле это обычная практика в административной деятельности, — сказал Чашин с улыбкой, принуждающей к общению. — На мне лежит контроль за деятельностью правоохранительных органов.

— Контроль, может, и есть... — пожала плечами Знаменова.

Она не хотела продолжать. Замечание, которое вдруг захотелось высказать, ей самой показалось лишним, несущественным, но Чашин продолжил за нее.

— И результат есть. Количество правонарушений незначительно, раскрываемость высокая, но в семье, как говорится, не без уroda.

— Это вы об убийцах?

— Об убийце, — с мягкой улыбкой твердо сказал Чашин.

Знаменова пожала плечами. Она считала, что убийства совершались разными людьми. И Паховов склонялся к этому.

— Мне необходимо ознакомиться с материалами дела, — сказала она, обращаясь к начальнику следственного управления.

— Все готово, можете приступать прямо сейчас, — кивнул тот.

— Прямо сейчас и приступим. Дела у вас в управлении?

— Да, конечно.

— Тогда что мы здесь делаем?

— А разве мы не должны обсудить сложившуюся обстановку, наметить, так сказать, пути решения проблемы? — обескураженно развел руками Глебов. — Дело серьезное, с наскока его не решить. Тут всем миром нужно.

— Разумеется, ваша помощь необходима, — холодно глянула на него Знаменова. — Но сейчас нас больше интересуют частности. А из них мы уже составим общую картину. Тогда и будем искать пути решения.

Уходя, она вопросительно глянула на Чашина. В этом взгляде не было женского интереса, Татьяне хотелось знать, насколько прав заместитель мэра по безопасности. Что, если ей придется расследовать серийное убийство? Если так, то дело дрянь. Серийный преступник действует, как правило, по шаблону, на этом его и ловят. А если серийный убийца старается избегать повторений, значит, он работает с головой, а потому взять его будет ох как трудно.

* * *

Гражданка Варнавина была убита поздно вечером, когда возвращалась с работы домой. Преступник подкрался к ней сзади, одной рукой зажал рот, а другой ударил ножом — точно в правую почку. Смерть наступила мгновенно.

Точно так же был убит и гражданин Сайко. Мужчина возвращался домой после ночной смены,

убийца так же ударил его ножом сзади. Но в левую почку. В первом случае убивал правша, во втором левша. Гражданку Варнавину ограбили, а Сайко — нет. Ну и где же здесь, спрашивается, серия?

Ларису Калининку выбросили из машины. Сначала изнасиловали, в презервативе, а затем задушили, судя по всему, поясным ремнем. Девушка яркая, красивая, кто-то не смог пройти мимо. В ее гибели обвинили соседа по дому, который неровно к ней дышал. У Никиты Пирогова была машина, в перчаточном ящике обнаружили презерватив. И еще подозреваемый не имел алиби — вот и вся база, на которой построили обвинение. Хорошо, у Пирогова нашелся влиятельный брат в Москве, он и забил тревогу, по которой подняли группу Знаменовой.

— Варнавина работала на комбинате, Сайко работал на комбинате... Калининка на комбинате не работала, — в отстраненном раздумье покачала головой Знаменова. — Салон красоты «Валерия», дамский мастер.

— Дамский мастер вполне мог обслужить и мужчину, — сказал Пахомов. — Обслужила мужчину, познакомилась с ним, согласилась на встречу...

— Едем дальше. — Знаменова и ухом не повела. Она открыла очередную папку.

Назимова Гульнара Ринатовна. Пенсионерка. Прогуливалась ночью вокруг дома, спасаясь от бессонницы, кто-то подкрался к ней сзади, ударил камнем по голове. Раз ударил, два... Четыре удара и как минимум два из них могли быть смертельны-

ми. Женщина смогла позвонить своей дочери, но до приезда «Скорой» не дожидая.

Грибов Антон Данилович. Таксист. Убийца ударил его шилом в шею, в стык между позвонками. Но умер мужчина от острой кислородной недостаточности. Возможно, убийца, парализовав жертву, закрыл ему ладонью рот и нос. И спокойно покинул автомобиль, забрав у таксиста документы и деньги. И не оставив следов — если верить заключению криминальной экспертизы.

Дорохова Елена Борисовна. Вышла из дома в районе одиннадцати вечера. Ее убили ножом в сквере недалеко от дома. Убили точным ударом в сердце. Ударили так, что не пролилось ни капли крови. Видно, какое-то время нож находился в ране, вжимаясь в плоть плоской перемычкой между клинком и рукоятью. Чувствовалось, что бил профессионал. А прежде чем убить жертву, преступник ударил ее в сонную артерию. Уложил на траву, раздел догола и убил. Даже не изнасиловал. Не хотел? Или не смог?.. Неужели осечка разозлила его до такой степени, что рука потянулась к ножу?

— Одежда с места преступления исчезла... — прочитала Знаменова. — Неужели маньяк?

— Маньяк-раздеватель? — с мрачной иронией в голосе спросил Пахомов.

— И убиватель, — совсем не весело усмехнулась Татьяна. — Интересно, по какой причине Дорохова вышла из дома?.. — Знаменова перелистнула страницу назад. — Так, смотрим... Позвонила подруга, и Лена ушла... А зачем звонила подруга?..

Вопросов много, и ответы на них приходится искать по остывшим уже следам. Варнавину и Сайко убили в марте, Калинкину, Назимову и Грибова — в апреле. А май месяц начался с убийства Дороховой. Неделя уже прошла с тех пор, как погибла девушка. Труп еще в морге, но что даст его обследование? Пока ничего уличающего не обнаружено...

— Так, протокол допроса гражданки Гурьяновой, — сказала Знаменова, пальцами переминая страницу протокола. — Смотрим, смотрим. К Гурьяновой пришли знакомые парни, она позвала Дорохову. Гм, для полноты компании позвала...

— Может, парни это и сделали?

— И парней допрашивали... — качнула головой Знаменова. — Похоже, они точно вне подозрений... Была бы зацепка, их бы пришили к делу Дороховой, как Пирогова к делу Калинкиной. А не пришили...

— А кем работала у нас Дорохова? — спросил Пахомов.

— Горно-обогатительный комбинат, бюро пропусков.

— И снова комбинат.

— И Назимова там работала. В прошлом... Поваром, в заводской столовой.

— Варнавина работала в бухгалтерии, — напомнил Пахомов. — Сайко — водитель карьерного самосвала... Какое они имели отношение к утечке драгметаллов?

— Карьерный самосвал — дело такое, — в раздумье проговорила Знаменова. — Привез породу

и уехал. И что там в породе, водителя не волнует. Да его никто и не информирует. И через бухгалтерию левое золото не проходит.

— И через столовую тоже.

— А отдел пропусков решает, кого пропускать, а не выпускать.

— Таксист и дамский мастер вообще из другой оперы.

— Но, возможно, таксист и дамский мастер владели информацией об утечке. Так же, как и все остальные... Но зачем раздевать Дорохову? — непонимающе пожала плечами Татьяна.

— Может, в этом какой-то знак? — вслух подумал Пахомов.

— Не знаю, не уверена... Чашин считает, что убивает один и тот же человек.

— Не думаю.

— А он в этом уверен.

— Кто он такой, этот Чашин?

— Замглавы администрации...

— Заком по безопасности ставят, как правило, бывшего сотрудника.

— Ну, вид у него подтянутый и стрижка командирская, — затаенно улыбнулась Знаменова. — И взгляд уверенного в себе мужчины...

Пахомов с подозрением глянул на нее. Он работал с Татьяной недавно, но уже успел сдружиться с ней. Он холостой, она не замужем, казалось бы, сама судьба велела им быть вместе, но дружба дружбой, а постель врозь. Вроде бы и тянуло их друг к другу, но что-то мешало сойтись вместе в крутом

пике. И она не давала повода для вольностей, и его что-то удерживало на низком старте. Но тем не менее он ее ревновал...

— В себе-то он, может, и уверен, — пожал плечами Олег. — Но уверен ли в том, что говорит? Чащин отвечает за порядок в городе, и ему выгодно свалить все на одного-единственного человека. Все было хорошо, но вдруг появился один-единственный урод на всю большую семью, и вся идиллия коту под хвост. И Чащина в этом винить не надо, у него-то с обеспечением законности все в порядке, работа идет...

— В порядке, — кивнула Татьяна. — Уровень преступности ниже среднего, раскрываемость выше среднего. Если бы не эти убийства, мы бы и не знали об этом Волкобойске.

— А мы узнали. И мы здесь. Вдруг что-то не то узнаем? Вдруг разворошим осиное гнездо? Этого Чащин и боится.

— Ты не знаешь, чего он боится, а чего нет. — Знаменова строго посмотрела на Пахомова. — И не надо говорить... А насчет того, что убивает один человек... — Она запнулась, не решаясь озвучить свою мысль. — Все убийства совершены ночью или в темное время суток.

— Это не удивительно.

— И все на улице.

— Калинин и Грибова убили в машине.

— Да, но машины ездят по улицам... Нам нужна карта города, — отчеканила Знаменова.

— Найдем, — кивнул Пахомов.